

СТАТЬИ

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Н. Рубинштейн

Общеввропейская экономическая и финансовая конференция, заседавшая в Генуе с 10 апреля по 19 мая 1922 г., или, как её обычно называют, Генуэзская конференция, занимает видное место в истории международных отношений. Не случайно к ней в своё время в течение полугода было приковано внимание общественного мнения всех европейских стран и США. Не случайно вся печать была заполнена статьями и корреспонденциями, касавшимися конференции, а парламенты Европы горячо обсуждали перспективы, ход и результаты Генуи. Иначе, конечно, не могло и быть. Ведь Генуя была первой международной конференцией послеверсальской Европы и конференцией, посвящённой не частным вопросам, а проблемам экономического восстановления Европы.

Самым же главным являлся тот факт, что Генуя была первой конференцией государств, в которой участвовала Советская Россия. Впервые в истории на международной дипломатической арене выступила страна, представляющая новую, самую прогрессивную систему общественных отношений.

Однако Генуэзской конференции «не повезло» в исторической литературе. До настоящего времени, т. е. почти за четверть века, на Западе не опубликовано ни одного исследования, специально посвящённого Генуе¹.

К сожалению, и советские историки ещё крайне недостаточно занимаются исследованием этой темы. Кроме брошюры участника конференции Б. Е. Штейна и VI главы III тома «Истории дипломатии», написанной проф. И. Минцем, в нашей исторической литературе нельзя назвать работ, посвящённых этой конференции.

Историческое исследование Генуи затрудняется тем, что материалы архивов министерств иностранных дел, относящиеся к конференции, ещё не преданы гласности. В известной мере это компенсируется наличием (помимо официального текста протоколов) публикации большого количества советских дипломатических документов 1921—1922 годов².

Некоторые дипломатические документы держав публиковались в 1922 г. в зарубежной печати, в особенности в журнале «L'Europe nouvelle».

Среди официальных материалов безусловную ценность представляют стенографические отчёты о дебатах в европейских парламентах.

Что касается мемуарной литературы, то она также скудна.

Широко известный дневник британского посла в Берлине д'Абернона, небогатые содержанием воспоминания посланника США в Риме Чайльда, письма Ратенау, занимающие среднее положение между мемуарами и публицистикой книги видного французского дипломата Сейду «От Версаля к плану Юнга» и крупного германского чиновника, члена

¹ Таким исследованием не может считаться книга Сэксона Миллза («The Genoa Conference by I. Saxon Mills», London, 1922), английского журналиста, близкого к Ллойд Джорджу, вышедшая с предисловием британского премьера и представляющая собой откровенную апологию его позиции.

² См. сборник документов под ред. С. Лозовского «Внешняя политика СССР, 1917—1944 гг.», Т. II. М. 1944.

германской делегации Бергмана «Путь репараций», — вот едва ли не всё, что можно назвать.

Исключениям являются книги и брошюры, широко освещающие роль нефтяной проблемы на Генуэзской конференции.

Зато богатый и неизменяемый источник представляет собой печать — статьи в газетах и журналах, посвящённые Генуе.

Достаточно напомнить, что на самой конференции в Генуе присутствовало до 700 корреспондентов — на 200 больше, чем на Парижской мирной конференции. Среди них были такие видные и информированные журналисты, как редактор «Таймс» Уикхем Стид, Гарвин, экономист Кейнс, американцы Линкольн Стеффенс, Суинг, фон Виганд, француз Заурвейн и многие другие. Поэтому материалы периодической печати современной Генуе в известной мере восполняют отсутствие архивных публикаций¹.

Сопоставляя опубликованные дипломатические документы с газетными корреспонденциями и статьями, историк может — пусть иногда с приближённой точностью — ответить на интересующие его вопросы.

Генуэзская конференция открылась 10 апреля 1922 года². К этому дню в Геную прибыли делегаты 34 государств с многочисленным вспомогательным и техническим персоналом, в большом количестве приехали иностранные журналисты.

В связи с конференцией итальянское правительство увеличило генуэзский гарнизон примерно на 25 тыс. солдат-карабинеров, королевских гвардейцев, гусар и драгун.

Первое заседание конференции открылось во дворце св. Георгия в 3 часа дня. На переднем месте, за длинным столом, разместились делегации Англии, Франции, Италии, Японии, так называемых «приглашающих держав», остальные делегации были рассажены за столами «покоем» — в алфавитном порядке.

Открывший заседание итальянский премьер Факта приветствовал конференцию, высказав надежду на её успех. В конце своей краткой речи он огласил телеграмму Пуанкаре, в которой французский премьер заявлял, что Франция, «заботясь с полным основанием о том, чтобы не допустить нарушения прав, предоставляемых ей договорами»³, готова всячески содействовать успеху конференции.

По предложению Ллойд Джорджа, председателем конференции был избран Факта. Он произнёс общую вступительную речь, в заключение которой огласил краткую декларацию следующего содержания: «Настоящая конференция созвана на основе каннских резолюций; резолюции эти были сообщены всем получившим приглашение державам. Самый факт принятия приглашения доказывает, что все, принявшие его, тем самым приняли принципы, содержащиеся в каннских резолюциях»⁴.

Декларация, зачитанная Факта, выполняла требования Пуанкаре — получить от всех участников конференции, а по существу от Советской России, до начала прений признание каннских резолюций.

Вслед за Факта начались выступления глав основных делегаций.

¹ В Генуе печать, пожалуй, в большей степени, чем в прежние времена, была активным участником дипломатической борьбы. Руководители правительств и дипломаты гласно и негласно инспирировали журналистов. В газетах наряду с вымышленными сообщениями освещались события, действительно происходившие за кулисами конференции. Английские газеты раскрывали многое из того, что предпочитали не предавать огласке французы, и наоборот.

² О предистории конференции см. нашу статью «Накануне Генуэзской конференции». «Историк-марксист» № 2 за 1941 год.

³ «Материалы Генуэзской конференции» (в дальнейшем «Материалы...»), стр. 61. НКВД, М. 1922.

⁴ Там же, стр. 67.

Первым взял слово Ллойд Джордж. Указав, что участники конференции собрались на началах абсолютного равенства, приняв равные условия, установленные в Каннах, английский премьер повторил в свей речи то, о чём неоднократно, в течение нескольких месяцев, говорил в своих публичных выступлениях. И на этот раз Ллойд Джордж не пожалел красок, чтобы возможно ярче нарисовать слушателям картину европейской разрухи. «Европа,— говорил британский премьер,— нуждается в отдыхе, тишине и спокойствии, иными словами, ей нужен мир». Ллойд Джордж предостерегал от неудачного исхода конференции, заявляя, что в этом случае «всем миром овладеет чувство отчаяния»¹.

Сменивший Ллойд Джорджа Барту заявил, что Франция не претендует ни на какую гегемонию и является сторонницей мира, но что Генуэзская конференция не может явиться и не явится «кассационной инстанцией, ставящей на обсуждение и подвергающей рассмотрению существующие договоры»².

Речи представителей Японии, виконта Ишии, и Бельгии, Тениса, содержали общие места.

Чрезвычайно бесцветным оказалось также выступление германского рейхсканцлера Вирта. В кулуарах конференции говорили, что смелость Вирта проявилась только в том, что он произнёс свою речь на немецком языке.

В зале заседаний воцарилась полная тишина, когда после Вирта слово было предоставлено главе советской делегации Чичерину.

Ещё до речи Чичерина советскую делегацию частным образом, от имени Ллойда Джорджа, просили воздержаться в своей декларации от резких выражений и отметить приемлемость каннской резолюции, хотя бы не в очень обязывающей форме.

Британский премьер напрасно опасался формы изложения советских принципов. Когда ещё в Москве, перед отъездом делегации в Геную, при обсуждении текста выступления на открытии конференции предлагались обличительные заявления, Ленин дал примерно следующую директиву: «не надо страшных слов». Главное заключалось в том, чтобы изложить программу советского правительства и тем самым углубить противоречия между военными, агрессивными и пацифистскими партиями, поддержав последние.

В своей речи представитель советского правительства указал, что советская делегация, оставаясь на точке зрения социалистических принципов, считает необходимым экономическое сотрудничество между государствами, представляющими социалистическую и капиталистическую системы собственности. Подчеркнув значение первого пункта каннской резолюции о взаимном признании различных систем собственности и политического строя разных стран, Чичерин отметил, что экономическое восстановление Советской России как самой крупной страны в Европе, обладающей неисчислимыми запасами природных богатств, является неперенным условием всеобщего экономического восстановления. Он указал на готовность советского правительства предоставить концессии и развить сотрудничество с промышленностью западноевропейских стран, причём предостерегал от попыток взвалить на Советскую Россию непомерные требования. Чичерин остановился также на том, что последние законодательные мероприятия советского правительства создают юридические гарантии для экономического сотрудничества капиталистических стран с Советской Россией.

До этого момента зал спокойно слушал представителя советской делегации. Но положение изменилось, когда Чичерин, как писал один английский журналист, «перешёл запретную почву».

¹ «Материалы...», стр. 69.

² Там же, стр. 72.

Чичерин заявил, что советская делегация, чтобы способствовать упрощению мира, внесёт предложения о всеобщем сокращении вооружений, о полном запрете применения отравляющих газов, воздушной войны и других средств разрушения, особенно тех, которые направлены против мирного населения. Он предложил также, чтобы установление всеобщего мира было проведено на всемирном конгрессе, созванном с официальным участием рабочих организаций на основе полного равенства всех народов и признания за всеми ими права распоряжаться своей судьбой. Устав Лиги наций должен быть пересмотрен с тем, чтобы она была превращена в настоящий союз народов без господства одних над другими, с уничтожением существующего деления на победителей и побеждённых. Оговариваясь, что коммунисты не питают особых иллюзий насчёт возможности действительного устранения причин, порождающих войну и экономические кризисы при нынешнем общем порядке вещей, Чичерин указывал, что советская делегация поддержит все попытки, направленные хотя бы к паллиативному улучшению мирового хозяйства, к устранению угрозы новых войн.

Речь Чичерина вызвала волнение, в особенности среди французской делегации. Её председатель Барту немедленно взял слово и заявил протест против выступления Чичерина. Он обвинял представителя советской делегации в том, что его предложения — о всемирном конгрессе, о созыве других европейских конференций после Генуи — нарушают канские условия. Особенное возмущение Барту вызвало советское предложение обсудить вопрос о всеобщем разоружении. «В тот час, — заявил Барту, — когда, например, русская делегация предложит первой комиссии рассмотреть этот вопрос, она встретит со стороны французской делегации не только сдержанность, не только протест, но точный и категорический, окончательный и решительный отказ»¹. Барту своим выступлением сам раскрыл чисто декларативный смысл сделанных им заявлений о мире.

Итак, советская делегация в первый же день конференции вынудила французского представителя заявить во всеуслышание, что Франция против разоружения, т. е. за новые вооружения, за подготовку новых империалистических войн. Позиция кабинета Пуанкаре была, таким образом, выставлена перед всем миром во всей её наготу.

Положение французской делегации ещё более ухудшилось после нового выступления Чичерина, который, отвечая Барту по вопросу о разоружении, сослался на декларацию Бриана в Вашингтоне. В этой декларации Бриан доказывал, что причиной, по которой Франция отказывается от разоружения, является вооружение России. «Поэтому, — говорил Чичерин, — мы предполагали, что тем самым, что Россия согласится на разоружение, указанный вопрос, поднятый г. Брианом, окажется устранённым»². Чичерин напомнил также, что вопрос о разоружении, насколько известно, не был изъят из порядка дня конференции, но если конференция сделает это, советская делегация преклонится перед её коллективной волей. «Первый русский делегат дал доказательство того, что большевикам не приходится брать уроки у буржуазных дипломатов», — писал Марсель Кашен по поводу столкновения советского представителя и Барту³.

Видя, что дискуссия между Чичериным и Барту угрожает нарушить плавный ход первого пленарного заседания конференции, Ллойд Джордж выступил в качестве примирителя. Пересыпая свою речь шутивными замечаниями, он уговаривал советскую делегацию не настаивать на её предложениях. Прежде чем достичь разоружения, надо придти к соглашению, заявлял Ллойд Джордж.

¹ «Материалы...», стр. 83.

² Там же, стр. 84.

³ «L'Humanité», 19 avril 1922.

Сравнивая конференцию с тяжело нагруженным кораблём, английский премьер просил советского представителя не прибавлять груза: «Впереди нас ждёт непогода, а перегруженному кораблю трудно бороться с волной»¹.

На этом дискуссия прекратилась. Факта закрыл прения, и первый пленум конференции закончился.

Итак, начало конференции ознаменовалось крупным успехом советской делегации. Выполняя прямые директивы Ленина, делегация сумела в сдержанных тонах развернуть советскую программу, изложить предложение о разоружении и тем самым нанести удар военным партиям. Недаром американский журнал «Нэйшн» назвал выступление Чичерина «блестящим началом», а «Таймс» отмечал «великолепную смелость и торжественную дерзость этой программы»². «До настоящего момента, — писал Уикхем Свид, — слава на конференции принадлежит большевикам. Они не сделали ни одного промаха и маневрировали в высшей степени талантливо. Барту был их первой жертвой»³.

На следующий день началась работа комиссий.

Всего было создано четыре комиссии. Основную комиссию, которая должна была обсуждать политические вопросы, не хотели называть «политической», так как «политика» была исключена из порядка дня конференции. Поэтому комиссию эту назвали первой. Кроме неё существовали экономическая, финансовая и транспортная комиссии.

К началу работ комиссий советская делегация ещё не располагала основным документом, в котором содержалась платформа Антанты по отношению к Советской России, а именно лондонским докладом экспертов. Официально меморандум был вручён советской делегации на заседании подкомиссии первой комиссии 11 апреля. Эту подкомиссию назвали сначала русской, чтобы не именовать её политической, но потом Ллойд Джордж и Барту пришли к выводу, что неловко выделять русский вопрос, поэтому подкомиссия всё же называлась политической. Советская делегация заявила, что ей необходим двухдневный срок, чтобы изучить как самый меморандум, так и другие проекты, относящиеся к Советской России, которые были выработаны в отсутствие её представителей. Предложение советской делегации было принято.

Доклад лондонского совещания экспертов представлял объёмистый документ, состоявший из двух частей: первая была озаглавлена «Восстановление России», вторая — «Восстановление Европы».

Во вступлении к первой части указывалось, что «вопрос о России рассматривается как с точки зрения справедливости, так и с точки зрения условий, необходимых для экономического восстановления России». «Хозяйственное восстановление России, — говорилось далее, — в значительной мере зависит от поддержки, которую Россия могла бы получить от иностранных предприятий и иностранного капитала»⁴. Но, заявляли эксперты, «без значительных изменений существующих условий, больше всего отражающихся на торговле и промышленности, иностранцы не пожелают взять снова в руки свои старые предприятия, ни открывать новые»⁵.

Во втором разделе доклада подробно разъяснялись те условия, при которых, по мнению Антанты, иностранные предприятия и иностранный капитал могут быть привлечены к делу «восстановления России».

Советскому правительству предлагалось признать все финансовые обязательства как царского, так и Временного правительств и всех бывших в России властей по отношению к иностранным державам и их подданным и принять на себя ответственность за все убытки, понесённые

¹ «Материалы...», стр. 86.

² «The Nation», 19 April 1922.

³ «The Nation», 19 April 1922.

⁴ «Материалы...», стр. 92.

⁵ Там же.

иностранцами от действий советского правительства или других правительств, бывших в России.

Для гарантии и контроля за выполнением обязательств советского правительства должна была быть учреждена Комиссия русского долга из членов, назначенных частью советским правительством, частью иностранными державами. На эту комиссию возлагалась организация смешанных третейских судов для определения претензий иностранцев, разрешения вопросов, возникающих в связи с эмиссией новых русских облигаций, выпускаемых взамен старых процентных бумаг. Комиссия должна была также определять доходные статьи советского бюджета, например отчисления с налогов, сборов и обложений, предназначенные для обеспечения уплаты долга, а в случае необходимости контролировать и даже ведать сбором этих сумм.

Нетрудно видеть, каким образом пользовались эксперты Антанты, составляя этот раздел доклада. Проект Комиссии русского долга был списан с устава Комиссии оттоманского долга — органа, который осуществлял финансовое закабаление Турции великими европейскими державами.

Лондонский меморандум предусматривал отказ советского правительства от права самостоятельно распоряжаться своим бюджетом и отдавал советские финансы под контроль Антанты. В докладе указывалось, что иностранцы, предъявляющие претензии к советскому правительству, имеют право требовать возврата имущества, прав и процентов, если бы возврат их не представился возможным, то иностранцу возмещаются равноценные имущества или выдаются соответствующие денежные суммы.

Доклад экспертов требовал, далее, от советского правительства установления исключительного режима для иностранцев. Обыск в жилище или учреждении иностранца, проживающего в Советской России, и арест самого иностранца не должен был производиться без присутствия или согласия консула соответствующей страны. Приговор советского суда над иностранцем, привлечённым к уголовной ответственности, мог приводиться в исполнение только с согласия консула. При преследовании иностранца по политическим делам единственной карой могло быть лишь высылка, и то опять-таки с согласия консула.

Иностранцам предоставлялось право эксплуатировать принадлежавшие им или находившиеся в их заведывании предприятия при полной свободе найма и увольнения рабочих, т. е. игнорируя советский кодекс о труде и права советских профсоюзов. Наконец, доклад экспертов по существу предусматривал отмену монополии внешней торговли.

Таким образом, лондонский меморандум полностью расшифровал всё, что скрывалось за патетическими фразами, за лицемерной болтовнёй о восстановлении Советской России. Советскую Россию предполагалось подчинить режиму капитуляций, который применялся Англией и Францией в отношении к Турции и другим зависимым и полукOLONиальным странам. Антанта рассчитывала превратить Советскую Россию в свою полукOLONию, добившись рублём того, что не удалось ей достигнуть в результате военной интервенции.

Вторая часть лондонского меморандума, касавшаяся «восстановления Европы», не представляла большого интереса. Она состояла из целого ряда благих пожеланий, сформулированных настолько неопределённо и туманно, с таким количеством оговорок, что конкретное содержание пунктов меморандума с трудом поддавалось определению.

Само собой разумеется, предложения экспертов по вопросу о восстановлении Европы и не могли быть ничем иным, как бессодержательной болтовнёй. Экономическая разруха в Европе являлась следствием мировой войны и послевоенной системы международных отношений. Посколь-

ку эти вопросы были исключены из доклада экспертов, постольку на долю последних и выпадали одни лишь общие, ни к чему не обязывающие декларации.

Бессодержательность второй части доклада экспертов ещё нагляднее подчёркивала, что весь смысл меморандума и самой Генуэзской конференции заключается в разрешении «русского вопроса».

Работа конференции продолжалась. Начали функционировать, помимо первой комиссии, и другие комиссии и подкомиссии, причём советской делегации не раз приходилось отстаивать право на равное с приглашающими державами представительство в них.

Спустя четыре дня после открытия конференции стало ясно, что Антанта вовсе не намерена вести деловые переговоры на широких заседаниях комиссий и подкомиссий.

Ллойд Джордж пригласил советскую делегацию к себе на виллу. На вилле Альбертис и велись настоящие переговоры с советской делегацией, к которым Ллойд Джордж и Барту вовсе не собирались привлекать другие державы, помимо Италии и Бельгии. Официозные свидания на вилле Альбертис начались 14 апреля. С советской стороны в них участвовали Чичерин, Красин и Литвинов.

Решительно возражая против предложений экспертов, советские представители в беседах с Ллойд Джорджем и Барту указали, что советское государство не может быть связано обязательствами дореволюционных правительств. Если даже будут признаны довоенные долги, советское правительство не обязано платить по займам, заключённым во время войны.

В самом начале переговоров советские представители выдвинули требования возмещения правительствами Антанты убытков, причинённых Советской России союзнической интервенцией. Сумма советских контрпретензий исчислялась в 39 миллиардов золотых рублей, в то время как сумма довоенных долгов составляла 9650 млн. руб. и долгов военных — 8846 млн. руб.

Если учесть, что советское правительство имело право на получение доли России в германских репарациях, согласно ст. 116 Версальского договора, в сумме 16 100 млн. руб. и что военные расходы России на «общее дело союзников» составляли 19,4 млрд. руб., то станет ясно, насколько советские контрпретензии превосходили требования союзников. Ллойд Джордж настаивал на признании также и военных долгов. Он аргументировал тем, что война якобы была начата из-за славянского вопроса, что Россия нарушила в Бресте соглашение о незаключении сепаратного мира.

Война была битвой между Германией и Англией, парировали возражения Ллойд Джорджа советские представители. Брест-Литовск явился *force majeure*, и в нём нельзя обвинять Россию. Союзники же не выполнили своего обещания предоставить России Константинополь. Антанта попыталась сломить новую Россию, но это ей не удалось.

Вопрос о долгах послужил предметом любопытной пикировки между Ллойд Джорджем и Барту. В ходе совещания Чичерин сказал, что при всех требованиях к России нужно обязательно считаться с тем, что Россия переживает революцию, может быть, ещё небывалую в истории. Ллойд Джордж бросил реплику: «За исключением революции, г. Барту, которая совершилась 100 лет назад». «Ну, вы бы помолчали! — раздражённо ответил Барту британскому премьеру, — у каждого из нас была своя революция».

Советские контрпретензии встретили отказ со стороны союзников. Союзники соглашались только на некоторое сокращение военного долга России и на обсуждение вопроса об отсрочке уплаты части процентов по долгам. Они отказались от каких-либо компромиссных решений в вопро-

се о восстановлении иностранных подданных в правах собственности в Советской России или вознаграждении их за понесённые ущерб и убытки, а также в вопросе об уплате долгов иностранным подданным.

15 апреля состоялось свидание советских и союзных экспертов, на котором советский представитель изложил содержание контрпретензий Советской России союзникам в связи с убытками, понесёнными от союзнической интервенции.

Союзники категорически отвергли советские контрпретензии и в ультимативной форме потребовали признания советским правительством долгов, кроме военных. Советская делегация заявила, что она обратится за инструкциями к своему правительству.

17 апреля, когда руководители союзнических делегаций совещались о позиции по отношению к Советской России, как гром с ясного неба, грянула потрясающая весть: был опубликован договор, заключённый накануне представителями Советской России и Германии в предместье Генуи—Рапалло.

Рапалльский договор¹ явился крупнейшим успехом советской дипломатии. «Что поразило большую часть публики — это почти дерзкая смелость, с какой было проведено дело»², — писал английский журналист Сэксон Миллз. «Большевики, — возмущался редактор «Таймс» Стид, — с самого начала поставили себя в положение арбитров этого пан-европейского собрания и усиливаются ото дня ко дню».

Ещё накануне Рапалло собеседник Стида — по его словам, один из способнейших людей в Европе — говорил ему: «Мы все слабы перед лицом большевиков. У нас 30 политик, а у них только одна»³.

Официоз французского министерства иностранных дел «Тан» писал, что первая фаза Генуи представляет чистый выигрыш большевиков: «Во-первых, они приглашены на равных правах на конференцию, что означает на деле признание советского правительства; во-вторых, они ничего не дали взамен признания, их притязания — те же, что и были, они не подписали ни экономических, ни финансовых соглашений; в-третьих, судьба конференции передана в руки Москвы».

Так оценивали политические деятели и печать позиции советского правительства в Генуе. Главное заключалось в том, что после Рапалло, словно карточный домик, рухнула попытка буржуазных держав выступить против Советской России единым фронтом. Этим и объяснялось негодование буржуазных политиков.

Пока на конференции кипела буря вокруг Рапалльского договора, советская делегация 20 апреля подготовила ответный меморандум на предложения лондонского совещания экспертов.

Советский меморандум прежде всего отмечал противоречие, в котором меморандум экспертов стоит к решениям, принятым в Каннах. «Утверждая, что русский вопрос рассматривается с точки зрения «справедливости» и необходимости «экономического восстановления» России, без «эксплоатации» русского народа, меморандум тем не менее предъявляет практические требования, означающие не только эксплуатацию, но и полное закабаление трудового населения России иностранным капиталом, совершенно обходя в то же время наиболее существенный вопрос о средствах восстановления хозяйства России»⁴.

Советская делегация отмечала, что права иностранцев в России, гарантий которых требует лондонский меморандум, уже гарантированы советским законодательством в соответствии с новой экономической политикой.

¹ Подробно о Рапалльском договоре см. нашу статью в «Историческом журнале» № 5 за 1941 год.

² Mills S. Op. cit., p. 87

³ «The Times», 13, 24 April 1922.

⁴ «Материалы...», стр. 127, 128.

Вместе с тем делегация заявила, что авторы лондонского меморандума резко отступают от параграфа 1-го каннских резолюций, стремясь навязать России определённое внутреннее законодательство, чуждое её нынешнему строю, под предлогом создания «условий успешной работы» иностранного капитала ввести в России систему капитуляций, покушающихся на её суверенитет. Наиболее ярким примером этого является «статья 24-я меморандума, стремящаяся установить судебную экстерриториальность иностранцев, а также вся организация Комиссии русского долга... каковая в случае осуществления превратилась бы в орган иностранного контроля над всей хозяйственной жизнью Российской республики, подобно установленной Версальским договором репарационной комиссии»¹.

Советская делегация указывала, что требование возмещений национализированного имущества иностранцев несостоятельно, поскольку национализация явилась результатом Октябрьской социалистической революции, совершенно уничтожившей все старые экономические, социальные и политические отношения и заменившей старое общество новым. В свою очередь советский меморандум выставлял требование возмещения за колоссальные убытки, причинённые советской стране интервенцией и блокадой со стороны союзных держав. Советское правительство соглашалось признать за пострадавшими иностранцами право на возмещение убытков только при условии полного соблюдения взаимности. Оно соглашалось возместить убытки, «если счёт будет не в его пользу»².

Что касается военных долгов, то советская делегация решительно отклоняла требование оплаты их «как недопустимую попытку взвалить на плечи разорённого русского народа значительную долю военных расходов союзных держав». Советский меморандум напоминал о том, что именно русский народ принёс в жертву общесоюзным военным интересам больше жизней, чем все остальные союзники вместе, понёс огромный имущественный ущерб и в результате войны потерял крупные и важные для его государственного развития территории.

Так же решительно советский меморандум отклонял требования возврата национализированных предприятий их бывшим собственникам, видя в этом восстановление частной собственности на средства производства, отменённой в Советской России, а следовательно, нарушение суверенитета советского государства.

Меморандум подробно останавливался на финансовой стороне требований, предъявляемых к Советской России. Из простых расчётов, приведённых в документе, вытекало, что, если бы советское правительство согласилось полностью и в положенный срок уплачивать одни довоенные долги, ежегодные платежи составили бы сумму около 1,2 млрд. рублей. Такая цифра могла основываться лишь на предположении, что к 1927 г. национальный доход Советской России возрастёт в 9 раз.

«Российская делегация, — иронически замечал меморандум, — вполне согласна с тем, что при советском режиме производительные силы России будут развиваться гораздо быстрее, чем они развивались в капиталистических странах Европы и при царском режиме в России до войны, и готова допустить, что этот доход будет увеличиваться в два раза быстрее; но делегация, как это ни лестно было бы для советской власти, считает всё же неосновательным предположение, что рост ежегодного дохода на рост населения с 1922 года по 1927 год будет идти ровно в 60 раз быстрее, в сравнении с довоенным ростом.

Насколько чудовищно велики предъявляемые нам к уплате требования, видно из следующих данных: царское правительство платило ежегодно перед войной по своим долгам сумму, равную 3,3 проц. всего чистого нац. ежегодного национального дохода и около 13 проц. всего госу-

¹ «Материалы...», стр. 136.

² Там же, стр. 133.

дарственного бюджета. Меморандум экспертов считает возможным требовать от России уплаты через пять лет такой суммы, которая равна 20 проц. всего возросшего на 30 проц. национального дохода и около 80 проц. всего теперешнего государственного бюджета России, причём уплата должна производиться странам, ежегодный национальный доход которых на душу населения в семь—восемь раз больше национального дохода России»¹.

При этом условии, указывалось в меморандуме, для Советской России теряют всякий смысл новые кредиты.

Ярко показывая, что лондонский документ продиктован узкими, эгоистическими интересами немногочисленной, но влиятельной группы бывших кредиторов России, советский меморандум в заключение ещё раз подчёркивал необходимость решения вопроса о долгах и взаимных обязательствах на основе советских предложений.

Советский меморандум 20 апреля произвёл сильное впечатление как на участников Генуэзской конференции, так и на всё общественное мнение Европы и Америки. Капиталистический мир был поражён не столько самой контрпретензией советского правительства — требованием возместить убытки, причинённые интервенцией (предположительно об этом говорили ещё до конференции). Удивлялись и изумлялись другому: твёрдости позиций советского правительства, смелости и достоинству, с которыми оно вело бой на широкой арене европейской конференции.

Недаром американский журнал «The Nation» отзывался о советском меморандуме как о «блестящем продолжении». «Некоторые наблюдатели, — писал журнал, — кажутся изумлёнными смелостью русских, о которых полагали, что они придут в Геную, как нищие, со шляпой в руках, и которые потребовали более чем признания — потребовали золота как права, а не как уступки»².

Смысл заявлений был ясен: капиталистические государства ожидали, что разорённая, охваченная катастрофическим голодом страна станет на колени. — вместо этого они встретили державу, которая и не думала сгибаться, а говорила «с сильными мира сего», как равный с равными, которая на претензии отвечала встречными требованиями, да ещё в сопровождении обвинительного акта, которая не умоляла, а настаивала, держалась не униженно, а с достоинством.

Твёрдая позиция, занятая советским правительством, вынудила союзников подтвердить, что они согласны сократить военные долги России. Вместе с тем союзники оставляли в силе свои прежние требования об уплате довоенных долгов и восстановлении в правах собственности иностранцев или вознаграждении их за понесённые убытки. Союзники попрежнему отказывались признать контрпретензии советского правительства³.

Советское правительство, решительно отвергая требования лондонского меморандума экспертов, в ходе переговоров на вилле Альбертис согласилось пойти на некоторые уступки.

20 апреля советская делегация сообщила в письме Ллойд Джорджу, что советское правительство согласится взять назад свои контрпретензии и примет предложения об уплате военных долгов, если Советская Россия будет признана де юре и ей будет оказана достаточная финансовая помощь. Мысль о том, чтобы связать разрешение вопроса о долгах с предоставлением Советской России кредитов, принадлежала Ленину.

На этих условиях советское правительство, отклоняя требование о реституции, соглашалось предоставить прежним иностранным собствен-

¹ «Материалы...», стр. 137.

² «The Nation» N 3, 25 April 1922, p. 485.

³ «Материалы...», стр. 167.

никам преимущественное право получить на концессионных началах или в аренду их бывшие имущества, либо возместить понесённые собственниками убытки. Советское правительство, в свою очередь, требовало возврата ему всех русских имуществ и ценностей, находящихся за границей. Возобновление платежей по довоенным долгам и претензиям иностранцев — бывших собственников — должно было начаться через тридцать лет со дня подписания соглашения.

Советские предложения обсуждались 22—24 апреля в комитете экспертов. На первом же заседании комитета произошёл инцидент, спровоцированный французами. По инструкции Барту, французский эксперт Сейду сразу же после открытия заседания заявил, что меморандум советской делегации, полученный 22 апреля, якобы возвращает переговоры назад к их исходному пункту. Поэтому французская делегация затребовала инструкций от своего правительства, и до получения их он, Сейду, не может участвовать в работах комитета экспертов. Заседание было прервано. Провокация французов не осталась без ответа. В тот же день советская делегация направила председателю комитета экспертов письмо, в котором разъясняла, что в ходе переговоров на вилле Альбертис она пошла на уступки сравнительно с предложениями меморандума. Уступки эти изложены в письме Ллойд Джорджу, которое и принято подкомиссией по русским делам как база для дальнейших переговоров.

Заседание комитета экспертов возобновилось на следующий день. Сейду, очевидно, получил инструкции не срывать работу комитета и участвовал в обсуждении.

Дискуссия в комитете экспертов показала столкновение двух принципиально противоположных точек зрения. Эксперты союзников доказывали, что самый факт владения в прошлом собственностью в России даёт иностранцу право на возмещение. Советская делегация убеждала экспертов в том, что права иностранцев, бывших собственников, аннулированы Октябрьской социалистической революцией, и что теперь речь идёт о коммерческой сделке с советским правительством. В результате этой сделки бывший собственник может получить принадлежавшее ему некогда предприятие в концессию или в аренду.

Пока союзные эксперты обсуждали советские условия соглашения, Ллойд Джордж и Пуанкаре продолжали препираться по поводу Рапалльского договора.

В противовес предложению французского правительства обсудить последствия Рапалло, Ллойд Джордж предложил созвать в Генуе представителей всех государств, подписавших Версальский договор, чтобы обсудить требования, выдвинутые Пуанкаре.

Цель Ллойда Джорджа была ясна. В ответ на угрозы, произнесённые Пуанкаре по адресу Англии, английский премьер собирался поставить своего французского коллегу перед лицом всех без исключения союзных держав. Предметом обсуждения на такой широкой конференции явился бы вопрос о репарациях и другие вопросы Версаля, т. е. как раз те проблемы, обсуждения которых стремился избежать Пуанкаре.

Очевидно, предупреждение Ллойда Джорджа подействовало, так как спустя два дня Барту, получив новые инструкции из Парижа, засадил своих экспертов за составление проекта ноты по русскому вопросу. Другой проект готовили английские эксперты. Французы совещались с бельгийскими и японскими делегатами, рассчитывая обеспечить их поддержку при обсуждении ноты. 29 апреля английский и французский тексты были согласованы, и 2 мая окончательный вариант меморандума был направлен советской делегации. Французская делегация всё же отложила своё присоединение к меморандуму до получения инструкций от правительства.

Меморандум сообщал о решении главных государств Европы создать международный консорциум с основным капиталом в 20 млн. фунтов стерлингов. Указывалось, что отдельные страны — Великобритания, Франция, Италия, Бельгия, Япония — готовы дать кредиты экспортёрам, которые смогут отправить в Советскую Россию семена, тракторы, машины, локомотивы и подвижной состав.

Союзники требовали от советского правительства: 1) отказа от пропаганды, причём особо оговаривалось требование «употребить всё своё влияние на восстановление мира в Азии и сохранять строгий нейтралитет по отношению к воюющим странам»; 2) признания всех долгов и финансовых обязательств по отношению к иностранцам; 3) возврата имуществ бывших собственников-иностранцев, а в случае невозможности возвращения — выплаты компенсации, причём советское правительство теряло право отдать это имущество другим концессионерам. На этих условиях союзники соглашались отсрочить уплату Советской Россией долгов. Все вопросы об отсрочке и способах уплаты должны были разрешаться арбитражной комиссией в составе одного члена от советского правительства, одного от иностранных держателей бумаг, двух членов и председателя, назначаемых председателем Верховного суда США или Советом Лиги наций или Постоянным международным трибуналом в Гааге.

Что касается правового режима для иностранцев в Советской России, то меморандум повторял требования лондонского доклада экспертов, т. е. требования режима капитуляций. Меморандум от 2 мая наглядно свидетельствовал о нежелании великих держав — Англии и Франции — отказаться от линии, занятой ими в докладе лондонского совещания экспертов.

Меморандум был подписан не всеми делегациями Антанты. Бельгийцы были не согласны с пунктом о конфискованных имуществах иностранцев. Французский делегат Баррер заявил, что он солидарен с бельгийцами, но не возражает против передачи меморандума советской делегации с той оговоркой, что окончательное решение вопроса будет зависеть от французского правительства. 5 мая Баррер официально известил, что французское правительство решило не давать своей подписи на меморандуме, поскольку такой подписи не даёт бельгийское правительство. Таким образом, меморандум исходил от Англии, Италии, Японии, Польши, Румынии, Швейцарии и Швеции.

Советская делегация, получив меморандум, заявила об отсрочке заседаний подкомиссии, необходимой ей для подготовки ответа.

Чем объяснить, что меморандум от 2 мая отступал от позиции, занятой союзниками в ходе переговоров на вилле Альбертис, и игнорировал уступки, сформулированные в новых предложениях советской делегации?

Внимательно изучая материалы, мы приходим к выводу, что в последнюю неделю апреля произошли какие-то события, которые «перевели стрелку» конференции и направили её в тупик.

Что же это были за события? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к закулисной истории конференции. Тогда станет ясным, что одним из центральных вопросов Генуи, который хотя и не фигурировал в официальной программе её работ, но имел определяющее значение, являлся вопрос о нефти.

«Если судить по протоколам, то конференция имела как будто столь же малое отношение к нефти, как например к гелию,—писал один американский автор. — Тем не менее нетрудно доказать, что нефть стояла в центре генуэзского действия и что она является лучшим ключом к объяснению разногласий и кризисов, возникавших на конференции, чем любой из вопросов, подвергавшихся открытой дискуссии».

«Эта конференция,— говорит о Генуе Маркоссон,— совершенно истекла нефтью (fairly oozed oil)»¹.

¹ Marcossion I. «The Black Golconda», p. 119. New York — London. 1923—1924.

«Генуэзская конференция войдёт в историю не столько как великое дело умиротворения мира», сколько как «нефтяная конференция»¹, — заявляет Леспаньоль де ля Трамери.

«Силуэты нефтяных вышек Баку составляли фон декораций театра, в котором разглагольствовали апостолы нового права»², — пишет Жак Барду.

На конференции в Генуе, подтверждает Шарль Помаре, аудитор Государственного совета, генеральный докладчик на международном конгрессе горячего, «сразу обнаружилось, что международная политика управляется нефтью»³.

О том же говорят Л. Денни⁴, Девенпорт и Сидней Кук в своей работе «Нефтяные тресты и англо-американские отношения» и многие другие авторы.

На Генуэзской конференции столкнулись между собой в жестокой схватке два крупнейших концерна — мировые монополисты нефти: тесно связанный с правительством США американский трест «Стандарт ойл» и находившийся в столь же близких отношениях с британским правительством англо-голландский трест «Роял Детч Шелл».

Яблоком раздора между «Стандарт ойл» и «Роял Детч Шелл» являлась советская нефть, запасы которой, по данным 1922 г., составляли шестую часть всех мировых ресурсов.

После Октябрьской социалистической революции «Роял Детч Шелл» и «Стандарт ойл», в расчёте на скорый успех интервенции и, следовательно, на реставрацию капитализма в России, стали наперебой скупать акции русских нефтяных предприятий, национализированных советским правительством. «Роял Детч Шелл», скупивший ещё до революции 90% нефтеносных участков Ротшильда в Баку, в 1920 г. приобрёл большое количество акций Лианозова, Манташева, Дзатурова. «Стандарт ойл» в свою очередь скупил половину акций Нобеля.

В апреле 1920 г. на англо-французской конференции в Сан-Ремо было заключено соглашение по вопросу о нефти, пункт шестой которого предусматривал совместную поддержку английским и французским правительствами общих усилий своих граждан получить нефтеносные концессии, облегчить вывоз и урегулировать доставку нефтепродуктов «на территориях, принадлежавших бывшей Российской империи»⁵.

Однако разгром интервенции вынудил нефтяных монополистов начать сепаратные переговоры с советским правительством. Такие переговоры вёл с Красиным уполномоченный «Роял Детч Шелл» полковник Бойл, ездивший на Кавказ. «Стандарт ойл» и правительство США были чрезвычайно взволнованы активностью «Роял Детч Шелл» в вопросе о советской нефти.

Напряжение усиливалось по мере приближения срока открытия Генуэзской конференции. Уже 15 марта в парижском издании газеты «Нью-Йорк геральд» сообщалось, что «представители «Стандарт ойл», по слухам, собираются в Генуе дать бой для защиты старых концессий компании, принадлежащих русской компании «Стандарт ойл», и ищут французской помощи против своего британского соперника — фирмы «Шелл».

«Некоторые думают, — сообщал 6 апреля парижский корреспондент «Рейн-Вестфалише цейтунг», — что история Генуэзской конференции будет написана нефтью. Конференция будет в сущности полем борьбы между компанией «Стандарт ойл» и компанией «Роял Детч Шелл».

«Раз Россия представлена на Генуэзской конференции, то одним из наиболее важных пунктов дискуссий окажется нефть», — писал корреспондент манчестерской «Guardian Commercial».

¹ Леспаньоль де ля Трамери «Мировая борьба за нефть», стр. 137. М. 1925.

² Bardoux J. «Lloyd George et la France», p. 425. Paris. 1923.

³ Pomaret Ch. «La politique française des combustibles liquides», p. 161.

⁴ Денни Л. «Борьба за нефтяную монополию». М. и Л. 1934.

⁵ Delaisi Fr. «Oil, its influence on politics», p. 92. London. 1922.

Вместе с официальными делегатами в Геную прибыли представители обоих соперничающих концернов. «Стандарт ойл» прислал генерала Гассуэн — директора своего французского филиала. В числе официальных французских делегатов был, например, Пино, руководитель отдела минеральных масел министерства торговли. Позднее на конференцию приехал личный секретарь Рокфеллера. Американский делегат в Репарационной комиссии Слэгет имел поручение правительства США «отправиться в Геную в качестве экономического наблюдателя и следить главным образом за обсуждением вопроса об эксплуатации кавказских нефтяных источников»¹.

Каковы были цели и намерения сторон? «Роял Детч Шелл» стремился обеспечить за собой монопольное владение большей частью советских нефтяных месторождений. С этой целью Детердинг предложил советскому правительству, чтобы нефтяные концессии предоставлялись пропорционально нефтяным владениям иностранцев до издания декрета о национализации.

Интересы «Роял Детч Шелл» нашли своё дипломатическое выражение в позиции английской делегации во время обсуждения статьи 7-й меморандума советскому правительству от 2 мая. Британская делегация включила в проект статьи специальный параграф, определявший содержание понятия «прежний владелец собственности в России». Такими владельцами, по английскому толкованию, считались лица, владевшие собственностью в России до издания закона о национализации промышленности. Нетрудно видеть, что эта формулировка полностью отвечала интересам «Роял Детч Шелл». Ведь трест Детердинга владел большими промыслами в России до Октябрьской социалистической революции. «Стандарт ойл» купил большую часть акций бакинских промыслов Нобеля только спустя два года после их национализации советским правительством. В таком же положении были и многие французские держатели. Таким образом, английский вариант статьи 7-й меморандума, предусматривавший предоставление советским правительством концессий только прежним владельцам, автоматически исключал из числа будущих концессионеров «Стандарт ойл».

Для советского правительства крайне важно было иметь дело не с каким-либо одним монопольным концерном, а с различными национальными группами концессионеров. Поэтому, как заявил тов. Красин представителю газеты «Матен», советское правительство предполагало создать для эксплуатации нефтяных месторождений смешанную компанию, удержав за собой четвертую часть бакинских месторождений и разделив остальные три четверти между англичанами, американцами, французами и бельгийцами.

«Русская делегация, — образно изъяснялся «Journée Industrielle», — поставила на стол огромный пирог: нефтяные источники, источники реальные, источники вероятные, источники воображаемые. Поставьте собаку пяти лет перед сладким тортом, и вы будете иметь представление о Генуе»².

Опасаясь, как бы «Роял Детч Шелл» не заполучил весь «нефтяной пирог» целиком, «Стандарт ойл» перешёл к решительным действиям.

Прежде всего в печати появилось, видимо инспирированное «Стандарт ойл», сообщение о том, что советское правительство будто бы уже заключило соглашение с «Роял Детч Шелл». Из текста соглашения, также опубликованного печатью³, следовало, что речь идёт о монопольной концессии «Роял Детч Шелл». Известный американский журналист Линкольн Стеффенс, присутствовавший в Генуе в качестве корреспондента, сообщил в своих мемуарах любопытные подробности относительно

¹ Бронштейн В. и Розенблюм В. «Нефтяная эпопея», стр. 475. М. и Л., 1935.

² Romaret Ch. Op. cit., p. 162.

³ L'Europe nouvelle N 19, 13 mai. 1922, p. 601.

опубликования в американской печати этого документа. Стеффенс послал из Генуи сообщение, в котором указывал, что передаваемый им текст является только проектом соглашения. Другой корреспондент — газеты «New York Herald», Спивак — выдал этот текст за окончательное, якобы подписанное сторонами соглашение. Сообщение Стеффенса было брошено в корзинку для бумаг, а телеграмма Спивака стала мировой сенсацией¹. Видимо, в США были заинтересованы в том, чтобы раздуть сообщение. Судя по всему, именно в начале последней декады апреля США особенно обеспокоились возможностью благоприятного исхода конференции. «Может быть, после того как Германия показала путь, другие государства затеют открытую или скрытую торговлю с Россией», — с нескрываемой тревогой записывал в своём дневнике 22 апреля Чайльд, посланник США в Риме Чайльд, присутствовавший в Генуе в качестве неофициального наблюдателя. «Депеша из Вашингтона, — пишет он в тот же день, — подтверждает моё убеждение об опасности того, что другие государства будут сепаратно толковать с Россией»².

Корреспондент лондонской «News of the World» телеграфировал из Генуи: «Компания «Стандарт ойл» является одной из величайших мировых сил; в настоящее время она старается не допустить, чтобы с Россией было заключено соглашение, дающее британским фирмам фактический контроль над великой русской нефтяной промышленностью... Полагают, что до опубликования истории о предполагаемой концессии «Шелл» представители американского треста предприняли активные шаги в Бельгии и в Париже, предостерегая заинтересованные правительства от так называемой британской алчности. Под этим влиянием и сложились, вероятно, требования Бельгии насчёт безусловного возвращения собственности и французская поправка к меморандуму, обращённому к России. Известно также, что представители американского нефтяного треста оказали давление в Вашингтоне, побуждая американское правительство опубликовать декларацию, провозгласившую политику открытых дверей в России. Эта декларация вскоре действительно последовала».

30 апреля распространились сведения, будто Ллойд Джордж и Барту договорились между собой по русскому вопросу. Уступки, на которые пошла советская делегация, давали основания предполагать, что конференция может закончиться соглашением. Тогда через несколько дней председатель «Стандарт ойл» Бедфорд посетил государственного секретаря Юза и заявил последнему о своих опасениях по поводу того, что США отстранятся от участия в эксплуатации русской нефти. Юз — его недаром называли «нефтяным министром» (secretary for oil) — заверил Бедфорда, что правительство США не потерпит соглашения, преграждающего американскому капиталу доступ к русским нефтяным концессиям. Правительство Гардинга даже подготовило энергичную ноту Англии на случай, если бы подтвердилось известие о подписании соглашения между советским правительством и «Роял Детч Шелл». 11 мая Чайльд сделал заявление, почти дословно повторявшее слова Юза Бедфорду.

Французская печать опубликовала, в связи с известиями, пространное коммюнике, в котором подчёркивалось единство действий по вопросу о нефти с Бельгией и высказывалась уверенность в лояльной позиции Англии, связанной договором в Сен-Ремо. «Что касается американского правительства, которое представлено своим посланником в Риме, действующим в качестве наблюдателя, оно является сторонником равного режима для всех стран. Франция полностью расположена к подобному порядку»³.

¹ «The autobiography of Lincoln Steffens». Vol. II, p. 810. New York. 1931.

² Child R. «A diplomat looks at Europe», p. 43. New York. 1925.

³ «L'Europe nouvelle» N 21, 27 mai. 1922, p. 644.

Слухи о нефтяной концессии, полученной якобы «Роял Детч Шелл», были опровергнуты советской делегацией в Генуе. По сообщению корреспондента «Рейтер» из Генуи, 2 мая советская делегация, категорически отрицая наличие договора с «Роял Детч Шелл», заявила, что переговоры по вопросу о нефтяных концессиях велись, что со стороны «Стандарт ойл» не было сделано никаких предложений. Было указано, что советское правительство при условии его признания согласится предоставить нефтяные концессии, но отнюдь не монопольного характера. Полковник Бойль также опроверг слухи о договоре «Роял Детч Шелл» с советским правительством.

Однако опровержения не могли изменить ход дела. Инспирируя сообщение о договоре «Роял Детч Шелл» с советским правительством, «Стандарт ойл» и правительство США готовили почву для срыва Генуэзской конференции. Оставаясь за кулисами, Соединённые Штаты выдвинули с этой целью на авансцену Францию и Бельгию.

В тот самый день, когда Красин и Бойль опровергли слух о концессиях «Роял Детч Шелл», Барту выехал в Париж, очевидно, за инструкциями. Судя по всему, Пуанкаре предложил Барту не подписывать английский меморандум от 2 мая и занять резко непримиримую позицию в русском вопросе.

Действительно, вскоре Барту выступил с предложением перенести рассмотрение русского вопроса на Гаагскую конференцию, создав для этой цели специальную комиссию. «Эти предложения, — телеграфировал 15 мая корреспондент «Дейли геральд» Слокомб, — хотя и были внесены Барту, но фактически исходили от мистера Чайльда, американского посланника, и, очевидно, диктовались интересами «Стандарт ойл». Коротко говоря, Америка вмешалась в работу Генуэзской конференции и при этом вмешалась в духе враждебном Советам...»

План Чайльда и Барту рекомендовал отмену всех соглашений с Россией (включая и Рапальское соглашение с Германией); во всех комиссиях Гаагской конференции должны были присутствовать представители США; представители России исключались. «Это предложение, — продолжает Слокомб, — Чичерин вчера характеризовал как восстановление блокады России».

Чичерин говорил также Слокомбу, что хотя план, предложенный Чайльдом и Вандертипом, объявлен не получившим санкции Вашингтона, тем не менее он выражает точку зрения американского правительства.

Чайльд в своих мемуарах подтверждает, что 7 мая в беседе с Ллойд Джорджем он сначала убеждал последнего изменить направление конференции и заняться репарационными вопросами; когда же Ллойд Джордж отвёл это предложение, Чайльд стал настаивать на том, чтобы отложить конференцию, передав в международный комитет все «неоконченные дела», т. е. вопрос о России¹.

Чувствуя поддержку Вашингтона, французская делегация договорилась с важнейшими бельгийскими нефтяными компаниями и вместе с бельгийской делегацией энергично выступила в защиту прежних держателей русских нефтяных акций. Лоран-Эйнак потребовал у англичан полного равноправия французских и британских интересов на Кавказе. Он ссылался на пункт 2-й соглашения в Сан-Ремо, декларировавший принцип дружественного сотрудничества и взаимности во всех странах, где нефтяные интересы Англии и Франции могут практически соприкасаться. Лоран-Эйнак апеллировал также к пункту 6-му соглашения в Сан-Ремо, который гласил: «На территориях, зависящих от бывшей Российской империи, оба правительства будут взаимно оказывать поддержку подданным каждого из них в их общих усилиях, направленных на получение нефтя-

¹ Child R. Op. cit., p. 46.

ных концессий и разрешений на экспорт, а также на получение поставок нефти».

Англичане не остались без ответа и дали своё толкование пункту 6-му соглашения в Сан-Ремо. 15 мая Чемберлен, выступая в палате общин, заявил, что этот пункт и аналогичные ему параграфы соглашения имеют силу лишь постольку, поскольку французы и англичане решают приобрести определённые концессии сообща. Подданные же каждой из стран в отдельности, а равно и английские тресты сохраняют за собой полную свободу действий¹.

Но вопрос решался, конечно, не речами ораторов в английском парламенте, а реальным соотношением сил.

Видимо, «Стандарт ойл» занимал выжидательную позицию по отношению к Советской России, считая, что впоследствии советское правительство либо вернёт тресту бакинские промысла, либо сдаст их в аренду на гораздо более выгодных условиях. Но для этого необходимо было лишить возможности других конкурентов, и прежде всего «Роял Детч Шелл», получить концессии у советского правительства.

Немецкий автор Карл Гофман в книге «Нефтяная политика и англо-саксонский империализм», написанной в 1927 г., считает, что отступление «Роял Детч Шелл» было обусловлено биржевой конъюнктурой. Генуэзская конференция, пишет Гофман, «была прервана с целью затушевать нефтяной скандал... После того как удалось действительно лишить группу «Шелл» её практического результата, повышение курсов на ньюйоркской бирже сделало крайне нежелательным дальнейшее развитие и раздувание скандала. Повышение курса акций способствовало примирению финансовых интересов обеих сторон... Если Генуэзская конференция, одушевлённая идеей «мира на земле», началась призывом к божьему соизволению, то в её финале громче всего слышались курсы важнейших нефтяных бумаг ньюйоркской биржи»².

Конечно, было бы неправильно укладывать Генуэзскую конференцию в прокрустово ложе одной только нефтяной проблемы, как это делают Помаре, Гофман, Леспаньоль де ля Трамери, Маркоссон, Девенпорт и Сидней Кук, Антон Мор, Денни и другие. Англо-американские противоречия в Генуе определялись не одной нефтью. Возможный компромисс Англии с Советской Россией внушал серьёзные опасения США и по другим мотивам. В случае успеха Генуи Англия получила бы доступ к русскому рынку, её позиции в Европе усилились бы. Незадолго до Генуи США нанесли Англии поражение на конференции в Вашингтоне, ограничив британские претензии на сохранение гегемонии на морях и в Азии. Тогда уже США с успехом использовали против Англии её соперника в послевоенной Европе — Францию. В Генуе США в известной мере повторили тот же ход, добиваясь «равновесия» на европейском континенте. Франция охотно шла вместе с США, рассчитывая ослабить позицию Великобритании.

Нет, однако, ни малейшего сомнения в том, что борьба концернов «Стандарт ойл» и «Роял Детч Шелл» из-за русской нефти сыграла первостепенную роль в дипломатической истории рассматриваемого периода и во многом определила развитие событий в Генуе.

Пока советская делегация готовила ответ на меморандум союзников, на конференции происходили частные свидания и переговоры. Ллойд Джордж встретился с представителем Италии Шанцером, а также с представителями Германии Виртом и Ратенау. Видимо с целью оказать давление на Францию, английская и итальянская делегации 4 мая сообщили, что они рассматривают вопрос о частном признании советского

¹ Леспаньоль де ля Трамери. Указ. соч., стр. 161.

² Гофман К. «Нефтяная политика и англо-саксонский империализм», стр. 136—137. М. 1930.

правительства де юре на тот случай, если конференция разойдётся, не достигнув цели.

В свою очередь Барту, вернувшись из Парижа, беседовал с председателем бельгийской делегации Жаспаром. В результате беседы было опубликовано коммюнике о полном согласии обеих делегаций.

Итальянская делегация сделала заявление прессе, подчеркнув «тяжёлый кризис», к которому пришла конференция, и указав на то, что Ллойд Джордж и Шанцер беседовали между собой с целью придти к общему соглашению в вопросе о Советской России и Бельгии.

Наконец, в связи с различными толками прессы, Барту и Ллойд Джордж обменялись письмами, в которых главы английской и французской делегаций заявляли, что их государства остаются верными принципам Антанты.

Подал голос на конференции и Ватикан, вручивший через своего уполномоченного монсиньора Пиззардо меморандум о позиции папы в русском вопросе. Монсиньору Пиззардо порекомендовали исключить из меморандума требование о возврате собственности религиозных учреждений, чтобы не осложнять общих переговоров. Снесшись с Ватиканом, папский уполномоченный снял своё требование.

10 мая делегации приглашающих держав обсуждали вопросы, внесённые малыми государствами. Большинство этих вопросов было отведено под тем предлогом, что они выходят за пределы порядка дня конференции; другие были переданы на рассмотрение Лиги наций.

На этом закончилась очередная «пауза» конференции. 11 мая советская делегация передала свой ответ на меморандум союзников от 2 мая. Советский ответ констатировал, что меморандум от 2 мая является шагом назад по сравнению с соглашением, заключённым на вилле Альбертис 20 апреля, и даже по сравнению с лондонским докладом экспертов.

Советский ответ самым исчерпывающим образом доказывал, что с юридической точки зрения Советская Россия не обязана платить по прошлым долгам, возвращать имущество или возмещать убытки бывших собственников. Но несмотря на юридическую правоту своих позиций Советская Россия соглашалась платить прошлые долги и отказаться от своих контрпретензий в обмен на реальные кредиты. Однако меморандум «не говорит ничего окончательного о кредитах, которые державы, его подписавшие, согласны предоставить российскому правительству. Кредиты же, которые они обещают предоставить своим подданным для торговли с Россией, имеют лишь факультативный характер.

Точно так же меморандум вновь ставит в полном объёме вопрос о военных долгах, аннулирование которых являлось одним из условий отказа России от своих контртребований»¹.

Советский ответ устанавливал, что длительные совещания, которые повели к соглашению на вилле Альбертис, фактически окончились ничем не по вине Советской России.

Далее в ответе разоблачалась попытка меморандума уничтожить суверенитет Советской России путём учреждения смешанных третейских судов по делам и претензиям иностранцев.

Советский ответ констатировал, что державы, сосредоточивая все свои заботы на незначительной группе крупных капиталистов, пожертвовали интересами большого числа капиталистов, которые могли бы вернуться к деятельности в России, а с другой стороны — интересами множества мелких владельцев русских займов и бывших мелких иностранных собственников, претензии которых признаются справедливыми советским правительством. «Российская делегация не может не выразить своего удивления по поводу того, что державы вроде Франции, насчитывающие наибольшее количество мелких владельцев русских займов, об-

¹ «Материалы...», стр. 238.

наружили наибольшее упорство в вопросе о возвращении имущества и таким образом подчинили интересы мелких собственников интересам нескольких групп, требующих возвращения имущества»¹.

Цель, которую ставило себе советское правительство, участвуя в конференции — соглашение с другими государствами, — «была основана на предпосылке, что иностранные державы, организовавшие военные интервенции, откажутся говорить с Россией в тоне победителя с побеждённым. Россия не побеждена... Россия и впредь готова в интересах достижения соглашения сделать иностранным державам серьёзные уступки, однако, исключительно при том условии, что этим уступкам будут соответствовать равноценные уступки другой стороны в пользу русского народа. Для русского народа неприемлемы никакие соглашения, в которых его уступки не компенсируются действительными выгодами для него»².

Указывался и другой выход — взаимное аннулирование претензий, при котором советское правительство выражало, однако, готовность уважать интересы мелких собственников. В заключение конференции предлагалось, в случае если державы всё же хотят заняться разрешением существующих между ними и Советской Россией спорных финансовых вопросов, учредить смешанную экспертную комиссию. Советская делегация заявляла, что, по её мнению, разногласия по финансовым вопросам между Советской Россией и другими странами не должны помешать разрешению на Генуэзской конференции других проблем.

Советский ответ на меморандум 2 мая явился новым этапом конференции. Советское правительство как бы подводило в этом документе итог всем бесплодным попыткам союзников понудить Советскую Россию к капитуляции. Раскрывая подлинный смысл меморандума от 2 мая, советская делегация указывала главного виновника, ответственного за срыв конференции, — Францию — и вместе с тем подчёркивала, что правящие круги Антанты не хотят считаться с интересами экспортеров и мелких держателей займов. Вновь было подтверждено, что Советская Россия не пойдёт в кабалу к англо-французскому империализму.

Насколько неприятен был советский ответ руководителям конференции, можно судить по Ллойд Джорджу, который назвал ответ «бранчливым документом». После получения советского ответа на меморандум 2 мая вновь начались частные совещания и беседы. Ллойд Джордж беседовал с председателем югославской делегации Нинчицем, швейцарской — Мотта, румынской — Братиану, голландской — Ван-Карнбеком, польской — Скирмунтом, чехословацкой — Бенешем и японским представителем Хаяши.

13 и 14 мая представители держав, участвовавших в политической или русской подкомиссии, совещались без участия советской делегации. Темой обсуждения был, конечно, советский ответ. Ллойд Джордж предложил назначить одну или несколько комиссий экспертов, которые в сотрудничестве с советскими экспертами займутся вопросом о долгах, имуществах и кредитах. Он предложил также заключить временный пакт между Советской Россией и другими европейскими странами и взаимно обязаться не вести пропаганду в других государствах во время работ комиссий экспертов. Все эти предложения сводились к тому, чтобы как-нибудь закончить конференцию, не «потеряв лица» перед общественным мнением.

Однако Барту, осуществляя непримиримую линию Пуанкаре, отказался принять предложение Ллойд Джорджа. Но английского премьера поддержали по обыкновению Шанцер и — явно против французских хо-

¹ «Материалы...», стр. 240.

² Там же.

зьев — Братиану, а также швейцарец Мотта. На следующем заседании, в тот же день, к ним присоединились делегаты Японии, Польши и даже Бельгии. Очевидно, каждая из этих делегаций считала, что предложение Ллойд Джорджа является наименее скандальным выходом из положения. Пришлось и Барту согласиться с предложением Ллойд Джорджа, правда, с условием, что пакт о ненападении будет гарантирован «во времени и в пространстве».

Было решено, что исследование русского вопроса будет продолжено комиссиями экспертов союзных и нейтральных держав в июне в Гааге. После того как основные линии разрешения русской проблемы будут выработаны, эксперты представят доклад правительствам, которые и решат, желают ли они продолжать обсуждение с советской делегацией. Для участия в работах экспертов приглашались, исключая Германию, все державы, участвовавшие в Генуэзской конференции, а также США.

Печать, сообщая о совещаниях союзников, передавала, что державы готовятся исключить представителей Советской России из политической комиссии и обязать участвующие на конференции государства до окончания её работ не заключать сепаратных соглашений с Советской Россией.

Советская делегация, узнав об этом, направила 14 мая председателю конференции Факта резкий протест, заявив, что эти решения абсолютно неприемлемы для Советской России. Советская делегация указала, что устранение её от работ политической комиссии лишило бы последнюю объективного характера и морального авторитета не только в глазах русского народа, но и в глазах всего беспристрастного общественного мнения. Решение о запрете сепаратных соглашений с Советской Россией советская делегация расценивала как новую замаскированную блокаду, направленную против интересов русского народа. Советская делегация предлагала немедленно созвать политическую подкомиссию для обсуждения советского предложения о создании смешанной комиссии. Протест подействовал.

Политическая подкомиссия собралась 16 мая и заседала также 17-го. На заседаниях обсуждались вопросы, связанные с предстоящей работой комиссией экспертов. Советская делегация настаивала на том, чтобы в гаагских переговорах участвовала также и Германия. Это предложение было отведено под тем предлогом, что Германия уже раньше исключена из всяких переговоров, касающихся русских дел.

Советская делегация протестовала также против выбора места для встречи экспертов. Гаага не имела удобной связи с Советской Россией, а кроме того советское правительство не поддерживало дипломатических отношений с Нидерландами. Поэтому советская делегация предлагала заменить Гаагу Римом или Лондоном. Этот протест был также отведён, причём Ллойд Джордж, мотивируя своё возражение, открыто заявил, что «заботой держав было выбрать место, где не было бы распространено никаких предвзятых мнений по намеченным вопросам»¹. Другими словами, державы предпочитали вести и дальнейшие переговоры в тихих уголках, нежели в крупных центрах с многочисленным пролетарским населением.

Острый инцидент возник в подкомиссии в связи с замечанием Чичерина по поводу статьи 6-й предложений союзников о взаимном обязательстве ненападения. Уточняя текст статьи, Чичерин разъяснил, что обязательство о ненападении должно будет касаться не только РСФСР, но и всех республик, представленных советской делегацией.

Это само собой разумеющееся замечание вызвало протест японского делегата Ишии, который настаивал на том, что вопросы, касающиеся Дальневосточной республики, не приглашённой на конференцию, не

¹ «Материалы...», стр. 266.

могут обсуждаться на конференции. Оправдывая японскую оккупацию Дальнего Востока, Ишии заявлял, что японское правительство «торопится вывести свои войска из приморских областей, как только оно сможет сделать это с честью»¹. Ишии лицемерно уверял советскую делегацию в том, что японские войска не примут участия ни в каком нападении на дальневосточные территории, если не будут вынуждены к этому самообороной. Выступление Ишии встретило достойную отповедь со стороны советской делегации. Японскому делегату было прямо заявлено, что Дальневосточная республика не позволит превратить себя в японскую колонию и учтёт заявление Ишии об исключении Дальнего Востока из обязательств о ненападении.

Подробно рассмотрев предложения держав о работе комиссий экспертов, советская делегация на заседании 17 мая подтвердила своё требование о создании смешанной, а не отдельных комиссий экспертов, но всё же заявила, что Советская Россия примет участие в предстоящей конференции.

Советская делегация настаивала на расширении обязательства о ненападении упоминанием о нападениях, совершаемых бандами. Делегация заявила, что советское правительство располагает документальными данными о приготовлениях бывших врангелевских войск к нападению на советские республики. Документы эти были переданы в секретариат конференции. Советская делегация потребовала роспуска белых банд в Финляндии, Польше, удаления всех врангелевских и петлюровских войск из Румынии и Бессарабии, немедленного разоружения и отправки в более отдалённые страны врангелевских солдат, находящихся в Югославии.

Ллойд Джордж возражал против создания смешанной комиссии экспертов под тем предлогом, что последние «перед лицом непримиримых принципов всё равно будут собираться отдельно».

В результате дискуссии председатель подкомиссии Факта заявил, что толкование советской делегации всеми считается правильным и что, следовательно, обязательство о ненападении должно относиться не только к регулярным войскам, но и к нерегулярным бандам. Что касается места конференции, то после формального заверения, что советские эксперты в Гааге будут пользоваться всеми теми же гарантиями, что и делегации всех других наций, советская делегация дала своё согласие на созыв конференции в Гааге. На этом, собственно, и закончилась дискуссия по русскому вопросу на конференции в Генуе.

18 мая пленум первой комиссии утвердил постановление подкомиссии о созыве 26 июня в Гааге нерусской и русской комиссий для рассмотрения разногласий, существующих между советским русским правительством и другими правительствами «по вопросам о долгах, частной собственности и кредитах».

Было утверждено также взаимное обязательство о ненападении (с дополнительным четырёхмесячным сроком действия по окончании работы комиссий) и о воздержании от всякой подпольной пропаганды, в том числе от поддержки политических организаций других стран и иных способов вмешательства во внутренние дела других государств.

Обсуждение вопросов, связанных с Советской Россией, отодвинуто на задний план все остальные проблемы «восстановления Европы», поставленные в порядок дня конференции. Тем не менее три комиссии, созданные конференцией — финансовая, транспортная и экономическая, — заседали, составляли меморандумы, резолюции и доклады. Доклады эти обсуждались на втором и третьем, последнем, заседаниях конференции, 3 и 19 мая.

Все доклады комиссий, без исключения, с необычайной яркостью

¹ «Материалы...», стр. 252.

продемонстрировали бессилие капитализма в восстановлении экономики послевоенной Европы.

Финансовая комиссия приняла 19 резолюций, более похожих на школьные прописи, нежели на серьёзные предложения об упорядочении финансового положения европейских государств.

Когда председатель финансовой комиссии Леминг Уоррингтон Эванс заявил на пленарном заседании конференции, что резолюции комиссии представляют собой «финансовый кодекс, значение которого для современного мира столь же велико, сколь велико было некогда значение гражданского кодекса Юстиниана», то, по словам Стида, редактора «Таймс», это сравнение только развеселило делегатов.

На втором пленарном заседании конференции доклад финансовой комиссии не вызвал больших прений. Только советская делегация дала ему правильную оценку. Чичерин в своём кратком выступлении указал на необходимость межправительственных займов как важнейшего средства восстановления Европы. Говоря о резолюции комиссии, предусматривающей создание международных финансовых корпораций, советский представитель отметил, что эти корпорации не должны носить характер монополии. Он подчеркнул зависимость восстановления мира от политики всеобщего разоружения. Эти же доводы были развиты в замечаниях советских делегатов на меморандум по валютным вопросам.

«С точки зрения политической экономии и бюджетной практики, — говорилось в этих замечаниях, — финансовая комиссия должна возвысить свой голос против безумства, побуждающего все страны при наличии производства, в два — три раза обнищенного по сравнению с довоенным, позволить себе роскошь военных расходов, значительно превышающих довоенные»¹.

По вопросу о кредитах советская делегация представила в финансовую комиссию меморандум, в котором подробно мотивировала необходимость и объём кредитов, требуемых для восстановления хозяйства Советской России.

Совершенно бессодержательную резолюцию приняла конференция по докладу транспортной комиссии. В ней не было ровным счётом ничего, кроме общих пожеланий о восстановлении транспорта, об устранении препятствий в международных сообщениях, о свободе транзита.

Сходным по типу с докладами финансовой и транспортной комиссий являлся доклад экономической комиссии. В нём также содержались одни общие благочестивые рекомендации.

Обсуждение доклада экономической комиссии на последнем пленуме конференции было весьма скудным по содержанию. Председатель комиссии француз Кольра посвятил значительную часть своей речи защите тезиса, гласившего, что «некоторые вопросы мирового хозяйства, при всей их серьёзности, не требуют ни общего обсуждения, ни общего действия»². Таким образом, устами самого председателя экономической комиссии было заявлено, что её предложения не имеют никакой цены. Ратенау вновь говорил о необходимости снижения задолженности отдельных государств, о более мягком обращении со странами-должниками.

Только советская делегация заявила, что докладу экономической комиссии «нехватает той смелости, которая необходима, если бы действительно имелось в виду приступить к работе всеобщего восстановления».

«Необходим целый ряд мер, новая политическая ориентация, наподобие той, какую я наметил в главных чертах на первом заседании Генуэзской конференции», — говорил Чичерин.

¹ «Материалы...», стр. 376.

² Там же, стр. 415.

Вместе с тем Чичерин указал на то, что в главе отчёта экономической комиссии, трактующей о рабочем вопросе, нет упоминания о законодательстве в защиту рабочих, и правительствам предоставляется свобода не применять восьмичасовой рабочий день.

Таким образом, доклады финансовой, транспортной и экономической комиссий свелись к благим пожеланиям. Бесплодность их работ подчёркивалась ещё и тем, что каждая комиссия повторила резолюции какой-либо предыдущей и недавней конференции¹.

По существу, на Генуэзской конференции было официально признано, что соглашения, конвенции, резолюции по экономическим вопросам, принятые в 1920—1921 гг., остались на бумаге и не выполняются подписавшими их правительствами.

В беспомощных ссылках на эти решения содержалась сама оценка постановлений комиссий Генуэзской конференции.

Третье пленарное заседание конференции состоялось 19 мая. После принятия доклада экономической комиссии Шанцер доложил о предложениях первой комиссии по поводу предстоящей конференции в Гааге. Предложения эти были приняты большинством делегаций. Литовцы отказались принять обязательство о ненападении ввиду военной оккупации части Литвы Польшей. Норвежцы воздержались от голосования, так как они не получили инструкций от своего правительства. Наконец, бельгийцы и французы, не голосуя за решения, заявляли, что они предложат своим правительствам принять их.

После принятия резолюции начались заключительные речи. Первым такую речь держал Ллойд Джордж. Он сделал всё, чтобы затушевать неудачу конференции и «сохранить лицо». «Италия,— говорил Ллойд Джордж, характеризуя работу конференции,— угостила нас всеми видами погоды... Мы имели, конечно, солнечные небеса, но нам достались также злые и холодные северные ветры; мы пережили также угрюмый и подавляющий сирокко; были и грозы, но сегодня всё это закончилось голубым небом. Такова история конференции»².

Ллойд Джордж не жалел красок для того, чтобы доказать «успех» конференции. Он заявлял, что если бы Генуэзская конференция ограничилась одними лишь докладами финансовой, экономической и транспортной комиссий, то и в этом случае она оправдала бы своё существование. Английский премьер говорил, что конференция значительно приблизилась к разрешению «русской проблемы», и выражал надежду на успешное продолжение её работ в Гааге. В поэтических тонах Ллойд Джордж рисовал значение обязательства о ненападении: «Мы решили испытать мир на оселке наших сердец, и после того, как он пребудет там в течение семи месяцев, мы более не выпустим его оттуда»³.

Всё же, очевидно, Ллойд Джордж понимал, что ограничиться аполетическими речами об «удаче» конференции нельзя. Поэтому в своей речи он постарался взвалить вину за неуспех в разрешении «русского вопроса» на Советскую Россию, выступая в качестве «миротворца» против «упрямых доктринёров».

Заключительная речь Барту также была выдержана в умеренных

¹ Так, финансовая комиссия дублировала в своих предложениях выводы Брюссельской финансовой конференции 1920 года. Транспортная комиссия в своих решениях настаивала на скорейшей ратификации и выполнении конвенций, заключённых в Барселоне 20 апреля 1920 г. по поводу свободы транзита, режима судоходных путей международного значения, международного режима железных дорог. Наконец, резолюции экономической комиссии ссылались на ранее заключённые соглашения, в том числе на устав Лиги наций, на решения международной конференции о паспортах, таможенных формальностях и сквозных билетах в октябре 1920 г., на решения Вашингтонской конференции о мерах против безработицы. Чтобы напомнить представленным в Генуе государствам эти конвенции, комиссия в приложении к своему докладу опубликовала их резюме

² «Материалы...», стр. 442.

³ Там же, стр. 447.

тонах. Говоря о переговорах с советской делегацией, Барту сетовал на то, что несмотря на его мирные намерения его чувство сожгли на демонстрации в Петрограде.

Остальные заключительные речи содержали общие слова.

Советская оценка итогов конференции и вместе с тем отповедь Ллойд Джорджу была дана в выступлении Чичерина. Советский представитель заявил, что при всём том значении, которое имеет самый факт собрания всех европейских стран, без различия победителей и побеждённых и вне различия между противоположными системами собственности, результаты конференции «не оправдывают великих ожиданий, которые она возбудила среди народов всех стран... Конференция не сделала смелого шага в направлении к новым экономическим и политическим методам творческой созидательной работы... Нам не дали вынести на конференцию вопрос о разоружении точно так же, как и некоторые другие вопросы... Конференция оказалась, за небольшими и незначительными исключениями, неспособной прибавить что-либо к существующим фактам или же к резолюциям, принятым другими конференциями»¹. Она не придерживалась принципа равенства победителей и побеждённых стран и равенства между советской системой и системой капиталистической. «Таковы, по нашему мнению,— говорил Чичерин,— причины неудовлетворительных результатов конференции».

Обращаясь к выступлению Ллойд Джорджа, он указал, что теория неравноправия двух систем собственности, развитая английским премьером, «не сумеет обратить русский народ в его веру, точно так же как не удалось это сделать вторгавшимся белоармейцам. Британский премьер говорит мне, что, когда мой сосед ссудил мне деньги, я обязан ему уплатить. Хорошо, я соглашаюсь в данном особом случае из желания примирения, но я должен прибавить, что если этот сосед ворвался в мой дом, убил моих детей, уничтожил мою мебель и сжёг мой дом, он должен, по крайней мере, начать с возращения мне уничтоженного... Мы пошли ещё дальше. Мы удовлетворились бы получением достаточной помощи для того, чтобы быть в состоянии выполнить возложенные на нас обязательства. Но другая сторона не стала на ту же точку зрения»².

19 мая Генуэзская конференция, продолжавшаяся 39 дней, закончилась.

Провал Генуэзской конференции был не просто неудачей дипломатии союзных держав: он явился результатом их ошибочной политики, следствием политического просчёта. В самом деле, на что делали ставку правящие круги капиталистических держав, сначала приглашая Советскую Россию в Геную, затем предъявляя ей свои требования на конференции и, наконец, обрывая переговоры?

Прежде всего бесспорным считалось, что тяжёлое экономическое положение страны, ухудшившееся в связи с голодом 1921 г., ослабило позиции советского правительства и побудит его к капитуляции. «По весьма любопытной исторической аберрации,— пишет французский автор,— французское общественное мнение рассматривало Советскую Россию, как страну раскаявшуюся, даже как страну побеждённую»³. Немалую роль в планах империалистов играли также расчёты на то, что советская власть сама — и притом быстрыми темпами — идёт по пути капиталистического перерождения. Именно так оценили широкие буржуазные круги Запада новую экономическую политику. Если в этой перспективе несколько сомневались представители наиболее агрессивных, интервенционистских групп, то в ней были уверены деятели тех кругов,

¹ «Материалы...», стр. 451.

² Там же, стр. 452.

³ Sloves H. «La France et l'Union Sovietique», p. 156. Paris. 1935.

которые стремились овладеть русским рынком методами экономической войны. На такой точке зрения стоял Ллойд Джордж.

Во Франции ещё 6 апреля 1921 г. сенатор де Жувенель, выступая в сенате, заявил: «Ленин признал необходимость сохранить среднюю и мелкую частную собственность. Это возврат к капитализму, а для этого нужны капиталисты. Единственным выходом отсюда является призвание иностранцев и восстановление экономических отношений с другими странами»¹.

Меньше чем год спустя, 12 января 1922 г., Эррио убеждал палату депутатов в том, что советский режим «будет эволюционизировать, он уже эволюционизирует. Необходимость того, что я назвал бы политической физиологией, приложима к России, как и ко всем государствам. Вот уже там восстанавливаются частное хозяйство, свобода торговли, капитализм»².

В сентябре 1922 г. Эррио сам побывал в Советской республике и вернулся во Францию, ещё более уверенный в том, что Советская Россия становится «нормальным» капиталистическим государством.

В этом духе выступали немецкие политики разных лагерей. Орган германской народной партии «Deutsche Politik» утверждал, что ввиду ужасного голода в России «Ленин, для того чтобы восстановить русское народное хозяйство, готов броситься в объятия западноевропейского капитализма»³. Известный дейч-национал Гетцш заявлял в рейхстаге, что в России налицо «отход от принципов безусловного экономического большевизма... Die novaja ekonomischeskaja politika, — говорил Гетцш, — в полном ходу, и с трудом, с большим трудом ещё защищаются сейчас оба последние укрепления — социализация крупной промышленности... и сохранение государственного комиссариата внешней торговли — эти последние укрепления в этой системе, которая стала хрупкой, которая потерпела крах и так обанкротилась, как только возможно»⁴.

Социал-демократы вторили дейч-националам. Мюллер утверждал, что «русские Советы... будут, так сказать, этапами вновь освящать частную собственность, если они хотят получить деньги у капиталистов».

Наряду с политическими деятелями, подобными Ллойд Джорджу, Эррио и другим, значительная часть журналов и газет — от консервативных до социалистических — также расценивали положение дел в Советской России как процесс её быстрого капиталистического перерождения.

Орган британских колониальных кругов «The Round Table» в статье «Коммунистический эксперимент в России» подробно излагал своё представление о том, чем является «novaja ekonomitscheskaja politika»: «Россия будет ещё дальше идти по пути капитализма... Наш генеральный вывод должен быть тот, что советское правительство будет, используя коммунистическую фразу, продолжать своё экономическое отступление»⁵.

Американский журналист Уолтер Дюранти, находившийся с осени 1921 г. в Москве, вспоминая в своих мемуарах 1935 г. об оценке нэпа за границей, писал: «В ортодоксальной Америке настолько велик был страх перед красным пугалом, что... нэп казался возвратом к некоей видоизменённой форме капитализма... Большинство иностранных наблюдателей и деловых людей было убеждено в том, что большевистский эксперимент, как они его называли, не сможет долго продолжаться и что нэп является началом его конца»⁶.

Чрезвычайно важно отметить, что люди, возлагавшие надежды на

¹ «Бюллетень НКВД» № 77 от 25 мая 1921 г., стр. 11.

² «Journal officiel» № 2, 12 janvier 1922, p. 53.

³ «Deutsche Politik», Heft 1—2, S. 2, 15 Januar 1922.

⁴ «Verhandlungen des Reichstags». Bd. 335, S. 7709, 7680, 7718, 29 Mai 1922.

⁵ «The Round Table», June 1922, p. 552—553.

⁶ Duranty W. «I Write As I please», p. 163. New York, 1935.

капиталистическое перерождение Советской России, искали подтверждения своих тезисов в исторических параллелях и аналогиях.

Признав на словах в Каннах равноправие капиталистической и социалистической систем собственности, буржуазные политики не хотели, да и не могли, сделать должные выводы из этого признания. Ллойд Джордж, Эррио и многие другие прилагали к Советской России обычную, трафаретную схему буржуазной революции с её эволюцией от «экстремы» к термидору. Отрицая историческую закономерность Октябрьской социалистической революции, они, естественно, должны были считать советское государство неприятной аномалией истории, аномалией, которая, не будучи устранена путём хирургического вмешательства, вскоре неминуемо «рассосётся» с помощью экономического давления извне.

Действительность опровергла все эти надежды и предположения. Новая экономическая политика оказалась не переходным этапом к капитализму, а методом строительства социализма. Советское правительство не согласилось на капитуляцию и достаточно ясно заявило об этом в Генуе.

План, рассчитанный на закабаление Советской России путём экономической интервенции, потерпел неудачу.

★

Немудрено, что провал Генуэзской конференции вызвал немало горьких признаний со стороны представителей правящих кругов разных стран.

Все сходились на том, что конференция явилась демонстрацией центробежных, а отнюдь не центростремительных тенденций в послевоенной капиталистической Европе. «В конечном счёте, — заявлял журнал «The Spectator», — европейские государства вместо того, чтобы сплотиться теснее, стали группироваться по различным и обособленным лагерям»¹.

Д'Абернон писал, что «весь ареопаг Европы в течение пяти недель находился в Генуе и сделал себя смешным»².

Разочарование и недовольство в связи с неудачей Генуи ярко проявились в прениях европейских парламентов, обсуждавших итоги конференции. «Я не говорю, что Генуя окончательно победит, — заявила в палате общин Ллойд Джордж, — я верю в то, что она уже совершила великие дела... Мы установили перемирие между народами»³. Эта декларация звучала так же слабо, как и уверения британского премьера в том, что решения финансовой и других комиссий конференции «внесут большое улучшение в несчастливые условия»⁴.

Ллойд Джордж стремился свалить вину за неудачу конференции на советскую делегацию. Он не постеснялся даже прибегнуть к вымыслам, утверждая, будто советский меморандум от 11 мая объясняется «внутренней борьбой в Советской России», празднованием 1 Мая и влиянием «экстремистов». Доклад Ллойд Джорджа был встречен всеобщей критикой. Премьера обвиняли не только консерваторы и лейбористы, но и либералы. Асквит назвал результаты конференции «угнетающе и даже бедственно скудными». Асквит, между прочим, заметил, что решение конференции воздержаться от вооружённых выступлений до Гааги отнюдь не является достижением, так как, например, Россия уже заключила в Риге подобное соглашение накануне Генуи с Латвией, Эстонией, Польшей. Консерваторы жаловались на то, что Ллойд Джордж не выполнил своих обещаний и не склонил Советскую Россию к капитуляции. «Ллойд Джордж не сказал нам, — гозорил консерватор Гвинн, — что он в результате Генуэзской конференции в огромной мере усилил позиции Германии и России»⁵. Консерватор лейтенант-полковник Арчер Ши переда-

¹ «The Spectator», 20 May 1922, p. 614.

² Д'Абернон «Посол мира», стр. 210—211.

³ «Parliamentary debates. House of Commons». Vol. 154, № 69, 25 May 1922, p. 1470.

⁴ Ibidem, p. 1452.

⁵ «Parliamentary debates...», p. 1491.

вал настроения масс в связи с провалом Генуи: «Вы можете слышать на каждом углу улицы, что мы должны признать большевиков, и тогда будет много рабуть»¹.

За поправку в резолюции, предлагавшую снизить бюджет Foreign Office на 1000 фунтов стерлингов, голосовало меньшинство палаты, но тем не менее неудача Генуэзской конференции была приговором кабинету Ллойд Джорджа. В связи с этим и другими провалами он был свергнут на очередных выборах с тем, чтобы никогда уж не вернуться к власти.

Во французской палате депутатов Пуанкаре заявил, что политическая конференция в Генуе потерпела полный крах, а экономическая конференция победила. Он не стеснялся в злобных выпадах против советского правительства, возмущался тем, что оно ставило свои условия вместо того, чтобы ожидать предложений «цивилизованных народов Европы». Говоря о предстоящей конференции в Гааге, Пуанкаре заметил, что решать русский вопрос или вопрос о восстановлении Европы в отсутствие США — это значило бы решать задачу квадратуры круга². Так французский премьер косвенно признал зависимость позиции Франции в Генуе от американского диктанта.

Однако Пуанкаре не избежал критики — и не только слева. Марсель Самба напомнил премьеру первый день Генуи: «Мы дали русским превосходный шанс. Когда Чичерин понял, что о разоружении не говорят, естественно, он стал говорить о нём по всякому поводу... Бриан, сказали нам русские, говорил в Вашингтоне; вы сами (т. е. Пуанкаре. — Н. Р.) говорили о наших больших вооружениях... мы готовы разоружиться. Я предлагаю вам говорить о разоружении... Что ответили вы Чичерину? Ничего. Естественно, вы должны признать, что Чичерин действует против вас оружием, которое вы сами вложили ему в руки»³.

В шовинистическом угаре трезво прозвучала речь Эррио: «Наши делегаты возвратились из Генуи, говорят нам, со свободными руками, но и с пустыми». Правый депутат Модильяно выражал опасение, чтобы Франция не осталась в стороне от русской нефти. Декларация правительства и вотум доверия были приняты палатой 484 голосами против 100.

Среди парламентских выступлений заслуживает внимания доклад чехословацкого премьер-министра Бенеша, который играл значительную роль как накануне Генуи, так и на самой конференции. Бенеш акцентировал «среднюю» политику Чехословакии в Генуе, её стремления смягчить англо-французский конфликт и найти общий язык с Советской Россией. «Я подчёркиваю с удовлетворением, — говорил Бенеш, — что представители России ни в чём не критиковали нашу политику в отношении России»⁴.

По-разному оценивая неразрешённые Генуей проблемы, представители почти всех политических партий во всех странах сходились на том, что Советская Россия выиграла в результате Генуэзской конференции. Реакционеры признавали этот факт со скрежетом зубным, критикуя либералов. Либералы констатировали успех РСФСР в укор «твердолобым» — консерваторам. Но так или иначе мало кто выражал сомнение в этом итоге конференции.

«Большевистская трибуна» — так была озаглавлена одна из передовых «Таймс», посвящённая Генуе. Редактор «Таймс» Уикхем Стид считал, что Генуя стала «подмостками для большевиков»⁵, они являются

¹ «Parliamentary debats...», p. 1528.

² «Journal officiel» № 60, 24 mai 1922, p. 1646.

³ Ibidem, p. 1622.

⁴ «Exposé de M. Benes au sujet de la Conférence de Genes, fait devant la Chambre des députés et la sénat, le 23 mai 1922», p. 29. Prague. 1922.

⁵ «The Times», 13 April, 22 April 1922.

«арбитрами конференции» и «раздавателями благ умоляющим» представителям деловых кругов. Бенеш в цитированной выше речи заявил, что «с помощью Генуэзской конференции Россия вновь занялась активной международной политикой, будучи в действительности признана де факто»¹.

Реакционный французский автор, близкий Пуанкаре, профессор Барду, присутствовавший на конференции, весьма живописно иллюстрировал это признание де факто советской страны, достигнутое в Генуе. «Все двери открываются перед большевиками, — с нескрываемым озлоблением писал Барду. — Муниципалитеты и университеты принимают их во дворах. Прелаты чокаются с ними и домогаются их сотрудничества. Короли приветствуют их братскую державу и превозносят их цистеронианское красноречие».

«Мы пришли сюда, чтобы сокрушить Францию», — шепчет итальянский голос. «Будьте умеренны, — мы осуществим великое восточное дело», — советует английский голос. «Помогите нам выйти из нашей изоляции, и я обеспечу вас пушками и ботинками», — умоляет германский голос. «Раз вы подписали договор с Виртом, почему не заключить договор с нами», — предлагает венгерский голос. «Перед тем как уезжать, побывайте в Риме», — говорит папа. За дипломатами следуют деловые люди: «Отдайте мне Донецкий бассейн — этого будет достаточно... Согласитесь на монопольную продажу нефти... Дайте мне концессию на лес»². Если и внести некоторую поправку на раздражение французского публициста, то всё равно нельзя не признать, что нарисованная им картина была недалеко от действительности.

Ошеломляющее впечатление на общественное мнение всего мира произвела независимая позиция, стойкость и смелость, проявленные социалистическим государством на международной конференции несмотря на трудные условия, в которых находилась страна. История не дала ни одного примера подобного поведения государства в аналогичной ситуации. Этим, видимо, и объясняется тот факт, что политические и общественные деятели, писатели и журналисты, дипломаты и деловые люди были буквально потрясены поведением советского правительства и его представителей.

Консервативные английские публицисты из журнала «The Round Table» с почтением говорили о «стойкой независимости» советской делегации в Генуе. Ллойд Джордж отзывался о советских руководителях как о «людях исключительных способностей, со знанием внешнего мира»³.

Бывший итальянский премьер Франческо Нитти в нашумевшей книге «Европа над бездной» воздавал должное «глубокому национальному духу большевизма». «Большевизм, — писал он, — предпочёл отказаться от всяких кредитов, но не предавать или ограничивать свою свободу в угоду иностранцам. Россия одолела ненавистный контроль, предложенный ей державами, после попыток одолеть её силой орудия и голода»⁴.

Словом, к какому бы автору мы ни обратились, мы всюду встретимся с мнением, ярко выраженным в статье враждебно настроенного к советской стране английского консервативного публициста Гамильтона Файфа «Когда история Генуэзской конференции будет написана с полным знанием дела, то историк будущего скажет, что её результаты были удовлетворительны только для одного правительства — для правительства России»⁵.

¹ «Exposé de M. Benes...», p. 10.

² Bar doux 'J. «Lloyd George et la France», p. 434, 435.

³ «Parliamentary debats...». Vol. 154. № 69, 25 May 1922, p. 1460

⁴ Нитти Ф. «Европа над бездной», стр. 4. Петроград. 1923.

⁵ «Foreign Affairs». Vol. III. № 12. June 1922, p. 183.

Каковы же в действительности были итоги Генуэзской конференции для советской страны?

Советская Россия не получила крупного заграничного займа, который позволил бы быстро двинуть вперёд восстановление народного хозяйства страны, разрушенного в результате мировой и гражданской войн и интервенции. Но она отстояла свою государственную независимость и самостоятельность и дала энергичный отпор попытке буржуазных держав восстановить в России капиталистическую систему общественных отношений средствами экономической войны.

«Делегация РСФСР и союзных с ней советских республик, — говорилось в резолюции III сессии ВЦИК о Генуе, — правильно выполнила свои задачи, отстаивая полную государственную независимость и самостоятельность РСФСР, борясь с попытками закабаления русских рабочих и крестьян, давая энергичный отпор стремлению иностранных капиталистов восстановить частную собственность в России; точно так же делегация вполне правильно выразила интересы трудящихся РСФСР и братских советских республик, заключив договор с Германией на началах полного равноправия и взаимности»¹.

Твёрдая позиция советского правительства в Генуе нанесла поражение военным партиям буржуазии, рассчитывавшим на новую интервенцию, и побудила правящие круги капиталистических стран ускорить установление экономических и политических связей с советским государством на основах равноправного соглашения двух систем собственности.

Советская Россия не поддаётся дипломатической интервенции, она не предоставляет бесплатно своих богатств, — значит, с ней надо торговать — вот вывод, который сделали капиталисты после Генуи в большей мере, чем до неё.

Детердинг, который в сентябре 1922 г. на международной конференции нефтепромышленников поклялся не иметь дела с Советами, спустя четыре месяца не выдержал искушения и заключил контракт с Москвой. «Стандарт ойл» той же зимой направил в Советскую Россию своего представителя с той же целью. Этому примеру последовали и другие тресты. Никакие заклинания о финансовом и экономическом бойкоте советской страны не могли отменить закономерностей исторического развития.

ВЦИК в своём постановлении о Генуе в особенности подчеркнул «правильность и своевременность того, что делегация в первом же своём выступлении выдвинула предложение всеобщего разоружения. В этом выступлении делегации РСФСР, — заявлял ВЦИК, — нашли своё выражение интересы и желания не только трудящихся масс России, но и кровные интересы трудящихся всего мира и всех угнетённых и поработённых народов и наций».

Генуэзская конференция, по планам её инициаторов, должна была продемонстрировать единый фронт капиталистических держав, направленный против Советской России. На деле конференция убедила всех в обратном. Она наглядно обнаружила глубокие противоречия между Англией и Францией, Англией и США, Японией и США, между союзниками и Германией. Генуя ослабила зависимость внешнеполитического курса ряда малых государств от Франции, являвшейся центром антисоветской политики. В первую очередь это относилось к Чехословакии.

Рапалльский договор с Германией, по крайней мере на ближайшие годы, выбивал из рук Англии и Франции перспективу использования Германии в качестве орудия антисоветской политики.

Констатируя крайнюю неустойчивость капиталистической системы

¹ «Внешняя политика СССР 1917—1944 гг.», Т. II, стр. 419.

в целом, ВЦИК с полной правотой мог заявить: «Чем бы непосредственно ни закончилась Генуэзская конференция, весь ход международных отношений за последнее время свидетельствует о неизбежности на данном этапе исторического развития временного сосуществования коммунистической и буржуазной систем собственности и заставляет даже наиболее непримиримых врагов Советской России искать путей соглашения с коммунистической системой собственности, после того как кончились крахом их четырёхлетние попытки насильственно ликвидировать эту систему»¹.

Самый факт выступления Советской России на первой послевоенной общеевропейской конференции имел огромное международное значение. Стойкое противодействие советского правительства покушениям империалистов на независимость страны нашло широкий отклик в рабочих массах и среди всех демократических кругов Европы и Америки. «Громадное сочувствие, которым пользовалась советская делегация в Генуе со стороны широких слоёв населения в Италии, — говорилось в отчёте ЦК РКП(б), — было отражением того внимания и сочувствия, которое Советская Россия приобрела за годы своей борьбы в глазах трудящихся всего мира»².

Достаточно выразительно говорил об этом бывший французский министр Кайо. Рабочие всех стран «тем более воспламенились идеей всеобщего ниспровержения, что обнаружилось намерение взять под стражу русскую революцию»³.

В Генуе, впервые на широкой арене, выступила советская дипломатия. До этого времени она была известна главным образом по дипломатическим документам советского правительства, тщательно замалчивавшимся зарубежной прессой. До апреля 1922 г. имели место лишь отдельные и, как правило, закрытые совещания представителей буржуазных государств с советскими представителями. Только в Генуе советской дипломатии впервые довелось выступить с международной трибуны, гласно и открыто. Генуэзская конференция продемонстрировала всему миру, что руководимая Лениным дипломатия молодого советского государства своим искусством маневрировать в самых сложных условиях, сочетая твёрдость и гибкость, не только не уступает искушённой, многоопытной дипломатии буржуазных государств, но намного превосходит её.

Генуя воочию показала советскому народу, что он должен рассчитывать в борьбе за построение социализма на свои собственные силы. Генуя открыла перед советскими людьми новые замыслы буржуазных держав. Отпор этим замыслам и попыткам способствовать росту советского патриотизма среди самых широких масс народа. И во вне, перед всем миром, и внутри страны в апреле — мае 1922 г. была ярко продемонстрирована историческая правота сталинских слов, сказанных менее чем за полтора года до Генуи: «В лице России растёт величайшая социалистическая народная держава, которая не даст себя обидеть».

В этом заключался главный итог Генуэзской конференции.

¹ «Внешняя политика СССР 1917—1944 гг.». Т. II, стр. 419.

² «Известия ЦК РКП(б)» от 6 июня 1922 года.

³ Кайо Ж. «Куда идёт Франция, куда идёт Европа?», стр. 169. ГИЗ. 1923.